

Tove Jansson

ПАПА И МОРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Муми-тролли (новый перевод)

Тове Янссон
Папа и море

«Азбука-Аттикус»

1965

УДК 087.5
ББК 84(4Фин)-44

Янссон Т. М.

Папа и море / Т. М. Янссон — «Азбука-Аттикус»,
1965 — (Муми-тролли (новый перевод))

ISBN 978-5-389-15214-4

Муми-троллям уже доводилось переезжать, а Муми-папа – тот вообще великий путешественник. Вот и сейчас, к концу лета, Муми-папа решил, что размеренная жизнь в долине не для его мятежной души. Его призвание – жить на острове с маяком, среди бушующего моря, и указывать путь кораблям. Семейство отправляется в путь. Маяк на первый взгляд кажется довольно скучным и неуютным местом. Но это только на первый взгляд. Ведь Муми-мама сумеет сделать уютным даже голый утёс, а тайн, опасностей и бушующего моря семейству хватит надолго!

УДК 087.5
ББК 84(4Фин)-44

ISBN 978-5-389-15214-4

© Янссон Т. М., 1965
© Азбука-Аттикус, 1965

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тове Янссон

Папа и море

Tove Jansson

PAPPAN OCH HAVET

Copyright © Tove Jansson 1965 Moomin Characters ™

All rights reserved

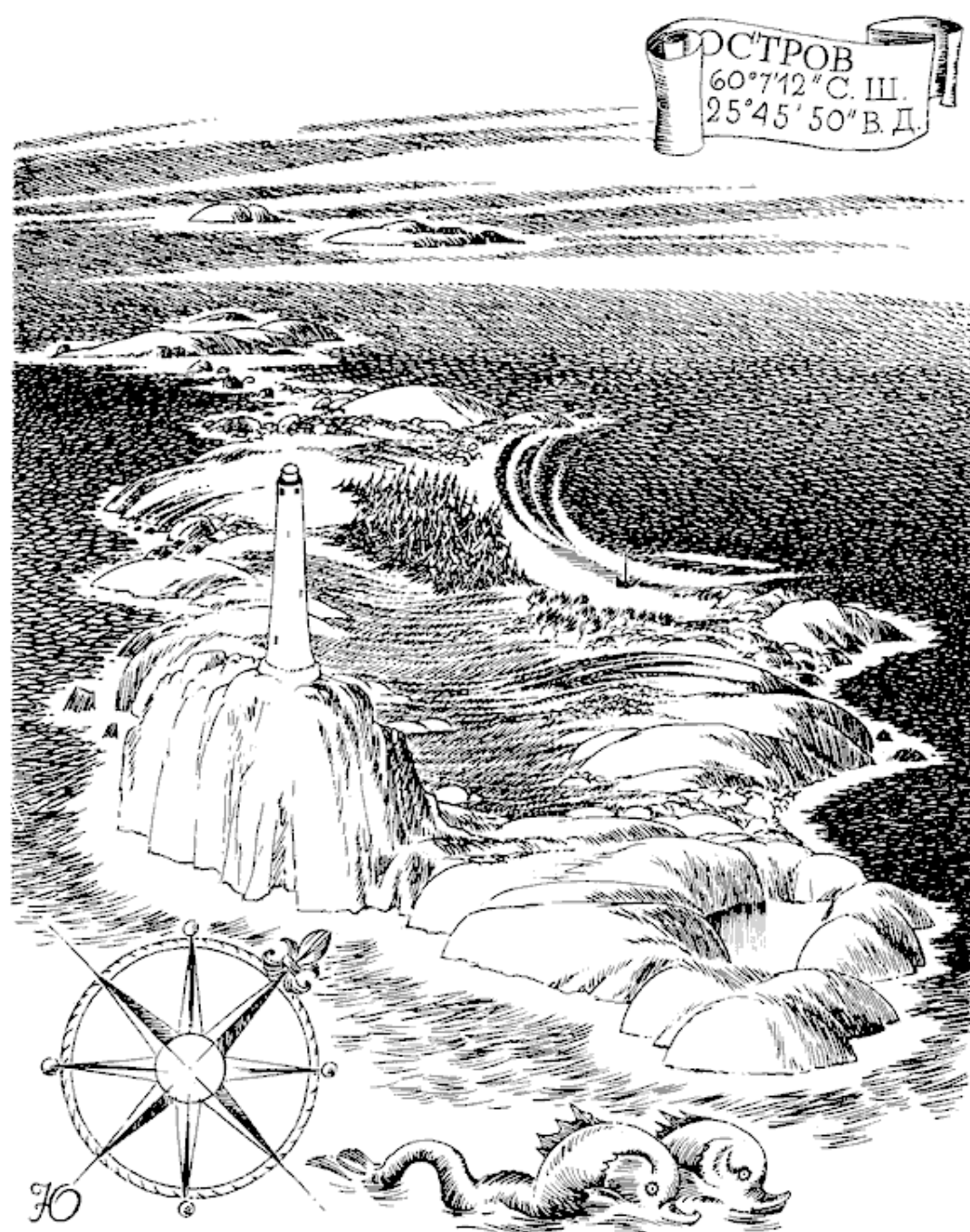
Иллюстрации в тексте и на обложке Тове Янссон

© Е. Тиновическая, перевод, 2018

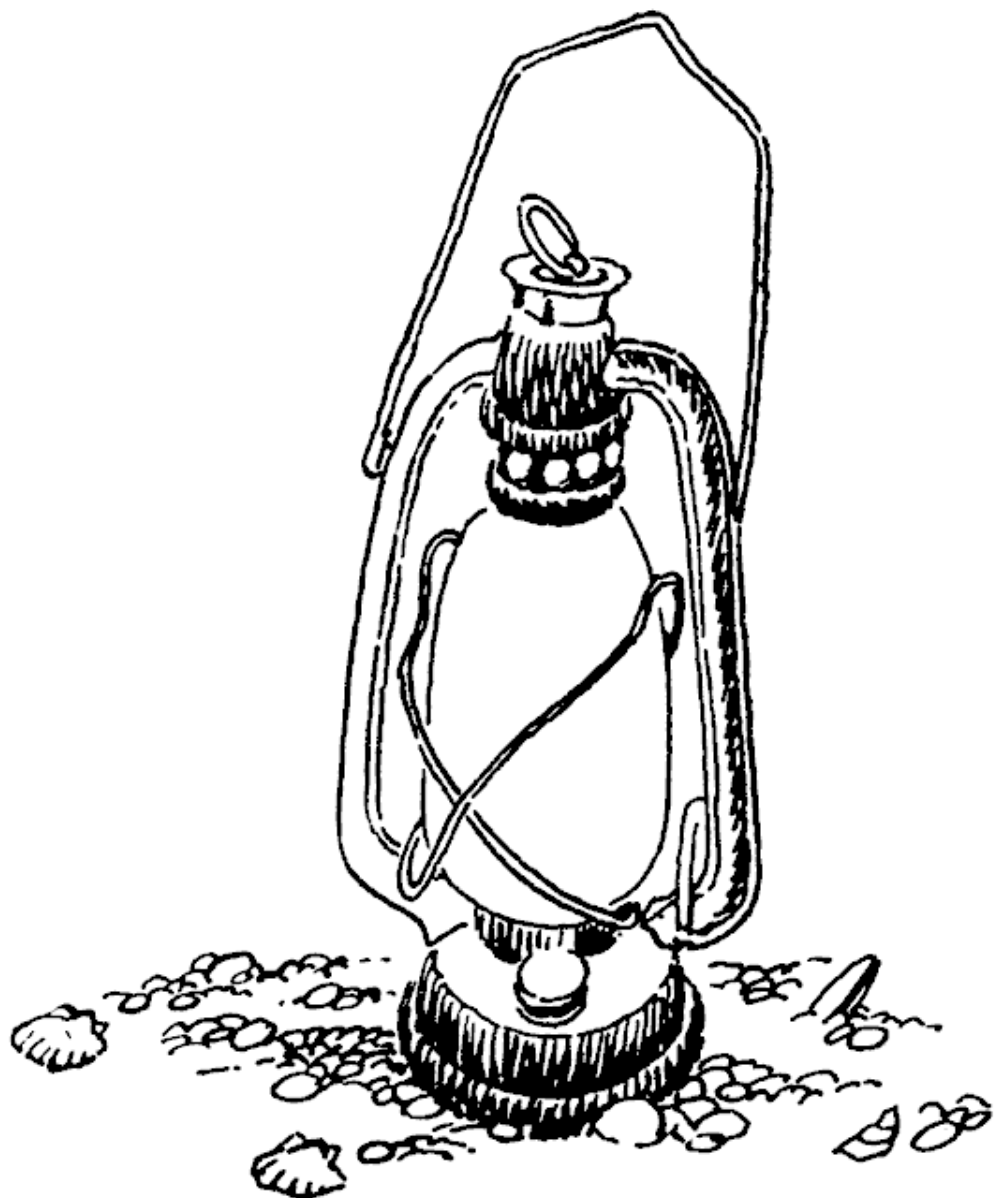
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа "Азбука-Аттикус"», 2018

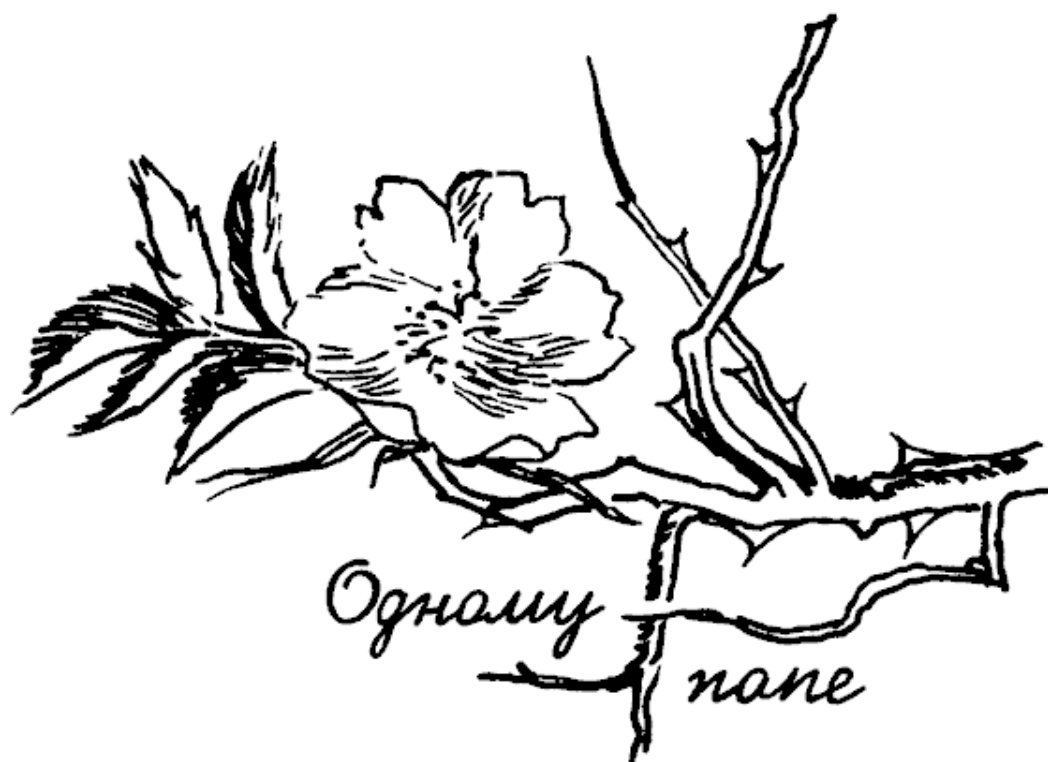
Издательство АЗБУКА®

* * *

РИЖСКИЙ ЗАЛИВ

Глава первая

Семья в стеклянном шаре

Вечером в конце августа один папа бродил по саду, ощущая полную свою бесполезность. Он не знал, чем себя занять, – за что ни возьмись, дело или уже было сделано, или его делал кто-то другой.

Папа бесцельно кружил по саду, а за ним по иссохшей земле печально тащился его хвост. В долине стояла душная жара, всё кругом было тихим, неподвижным и слегка припылённым. Это был тревожный месяц, месяц больших пожаров.

Папа неоднократно предупреждал всю семью. Он объяснял, чем опасен август. Он в красках изображал, как пылает долина, бушует пламя, тлеют стволы и расползаются подо мхом торфяные пожары. Столбы пламени, взмывающие к небу! Волны огня, которые подкатывают к самой долине, убегают к морю...

– ...и с шипением бросаются в него, – мрачно и торжественно заключал папа. – Всё черным-черно, всё покрыто пеплом. Какая огромная ответственность лежит на каждом из нас, до самого последнего кнютта, на каждом, кому могут попасть в лапы спички!

Остальные отвлекались на секунду, чтобы сказать:

– Точно-точно. Именно так, – и возвращались к своим занятиям.

Они всё время были чем-то заняты. Тихо, увлечённо, непрерывно возились они с мелкими делами, которым нет конца. Их отдельный, собственный мир был чётко очерчен, в него нечего было добавить. Как карта, на которой не осталось белых пятен: всё уже открыто и заселено. И они говорили друг другу:

– В августе папа всегда заводит речь о пожарах.

Папа поднялся по ступенькам. Когда он шёл к плетённому креслу, лапы привычно липли к покрытому лаком полу веранды и с чпоканьем отлипали. Хвост тоже прилипал, и казалось, будто кто-то за него дёргает.

Папа уселся и закрыл глаза. Пол надо бы перелакировать, из-за жары он стал липким. Хороший лак не должен так плавиться. Видно, в прошлый раз попался какой-то не такой. Сколько уже лет этой веранде? Да, пора. Но сначала придётся зачистить пол наждачной бумагой – муторная работа, которой никто не оценит. То ли дело водить широкой, блестящей от лака кистью по новеньким белым половицам! Чтобы не мешать, все будут ходить через чёрный ход, пока не пустишь их внутрь и не скажешь: «Вот вам новая веранда!» Какая всё-таки жарница. Отправиться бы куда-нибудь под парусом. Выбраться в море, в открытое море...

Папа почувствовал, как сон прокрадывается к нему в лапы, дёрнул плечами и зажёл трубку. Спичка в пепельнице ещё не погасла, и он с интересом наблюдал за ней. Не давая ей догореть, он оторвал несколько клочков газеты и подложил в огонь. Получился славный маленький костерок, еле заметный в солнечном свете, но очень красивый. Папа внимательно следил за ним.

– Сейчас погаснет, – заметила малышка Мю. – Подложи ещё бумаги.

Оказывается, она сидела в тени перил.

– А, опять ты здесь. – Папа тщательно потряс пепельницу, гася остатки. – Я изучаю, как ведёт себя огонь, это очень важно.

Мю засмеялась, бесцеремонно его разглядывая. Папа надвинул шляпу на глаза и погрузился в сон.

– Папа! – позвал Муми-тролль. – Проснись. Мы потушили пожар!

Обе папины лапы прилипли к полу. Папа рывком оторвал их, чувствуя, что его постигла чудовищная несправедливость.

– Что ты несёшь? – осведомился он.

– Правда, настоящий маленький пожар, – заверил его Муми-тролль. – За табачной грядкой. Там загорелся мох, мама сказала, что, наверное, залетела искра из трубки...

Папа выпрыгнул из кресла, внезапно охваченный жадой деятельности. Шляпа упала и скатилась по ступенькам.

– Мы его уже потушили, – крикнул ему вслед Муми-тролль. – Потушили сразу же, не волнуйся!

Папа резко остановился, от жары вдруг стало трудно дышать.

– Потушили? Без меня? Почему же никто меня не позвал? Оставили меня спать в полном неведении!

– Дорогой, – откликнулась из кухонного окна мама, – ну никакого смысла не было тебя будить. Совсем маленький пожарчик, только мох чуть-чуть задымился. А я как раз шла мимо с ведром и плеснула на него...

– Шла мимо! – вскричал папа. – Плеснула! Плеснула, надо ж такое сказать! И оставила источник огня без присмотра! Где он? Покажите!

Мама бросила свои дела и поспешила впереди папы к табачной грядке. Муми-тролль остался наблюдать с веранды. На мху чернело крошечное пятнышко.

– Кто-то, кажется, думает, – медленно заговорил папа, – что это пятнышко совершенно безобидно. Как бы не так. Пламя, понимаешь ли, может распространяться подо мхом. Под землёй. Целыми часами, а то и днями, а потом вдруг – пухф! – огонь вылетает из-под земли совсем в другом месте. Понимаешь?

– Да, дорогой, – ответила мама.

– И поэтому я остаюсь здесь, – сказал папа, с недовольным видом поковыряв мох. – Буду стеречь его. Всю ночь, если понадобится.

– Ты правда собираешься... – начала было мама, но вовремя спохватилась: – Конечно, спасибо тебе огромное. С этими мхами никогда не знаешь наверняка.

Папа караулил чёрное пятнышко целый вечер. Повывёртывал вокруг него весь мох. Он не согласился даже идти ужинать. Ему хотелось пообижаться.

– Как думаешь, он и на ночь там останется? – спросил Муми-тролль.

– Всё может быть, – кивнула мама.

– Злиться так злиться, – заметила малышка Мю, сдирая зубами мундир с картофелины. – Иногда это полезно, и у каждой маленькой малявки есть на это право. Но Муми-папа злится неправильно – держит всё в себе и ничего не выпускает наружу!

– Деточка, – проговорила мама, – папа сам всё понимает.

- Не думаю, – честно сказала малышка Мю. – Ничего он не понимает. А вы?
– Да и мы, – призналась мама.

Папа сунул морду в мох и почуял горьковатый запах дыма. Земля уже даже остыла. Папа вытряхнул трубку и раздул искры. Они померцали секунду и погасли. Папа попрыгал обеими лапами на нехорошем месте и поплёлся в сад – заглянуть в стеклянный шар.

Темнота, по обыкновению своему, выростала из-под земли и сгущалась под деревьями. Вокруг стеклянного шара было посветлее. Он покоился на постаменте из морской пенки, и в нём отражался весь сад. Это был папин, неоспоримо папин шар, его собственный, волшебный, сверкающе-синий – центр сада, долины, а то, пожалуй, и всей Земли.

Папа не сразу заглянул в него. Он сперва осмотрел свои закопчённые лапы и попытался припомнить все неясные и ускользающие горести. И когда сердце исполнилось такой тяжести, что дальше некуда, он посмотрел на шар, ища утешения. Шар всегда утешал его. Этим долгим, тёплым, бесконечно красивым и печальным летом папа приходил к нему каждый вечер.

Шар был прохладный, а его синева – глубже и яснее морской, и весь мир становился в нём прохладным, чужим и далёким. В центре мира папа видел себя, собственную растянутую морду, а вокруг отражался изменённый, как во сне, пейзаж. Синяя земная твердь была далеко-

далеко внизу и в глубине шара, и там, в недостижимой дали, папа стал искать своё семейство. Они всегда приходили, если он ждал. Стекланный шар всякий раз отражал их.

Они, конечно, продолжали суетиться и в сумерках. Они же всё время чем-то заняты. Вот Муми-мама выбежала из кухни в погреб за колбасой или маслом к вечернему чаю. А может, проведать картофельную грядку. Или принести дров. И всякий раз у неё был такой вид, будто она идёт по совсем новой и ужасно интересной дороге. Хотя поди знай. Может, на самом деле она и направляется за какой-нибудь тайной приятностью. Или просто играет сама с собой и бродит туда-сюда, чтобы ощутить себя живой.

Она возникала там всякий раз, похожая на шустрый белый шарик, откуда-то сзади, из самой синей глубины. Там бродил, погружённый в собственные мысли, Муми-тролль, там пробегала вверх по склону малышка Мю, точнее, глаз различал только движение, а Мю почти не было видно – только тень кого-то смелого, решительного и такого независимого, что ему нет нужды выставляться и показываться другим на глаза. Но там, в отражении, все они становились неправдоподобно крошечными, а их движения – растерянными и беспорядочными.

Муми-папа любил смотреть на них. Это была его ежевечерняя игра. Он представлял, что они нуждаются в защите, что они погружаются в глубокое море, о котором знает только он.

Уже почти стемнело. И вдруг внутри шара снова что-то произошло – он ярко засветился. Муми-мама зажгла на веранде лампу – она не делала этого всё лето. Лампа загорелась, и вся безопасность оказалась вдруг сосредоточена в одном месте, на веранде и нигде больше, и мама сидела там же и ждала своих к вечернему чаю.

Шар погас, синий пейзаж потемнел, не было видно ничего, кроме лампы.

Папа постоял мгновение, думая сам не зная о чём, потом повернулся и пошёл домой.

– Ну что ж, – сказал папа, – думаю, теперь мы можем спать спокойно. На этот раз опасность миновала. Но я на всякий случай встану на заре и проверю ещё раз.

– Ха! – сказала малышка Мю.

– Папа! – воскликнул Муми-тролль. – Ты ничего не замечаешь? Мы зажгли лампу!

– Да, я подумала, что уже настало время для лампы – вечера стали такими длинными, – сказала мама. – Сегодня я это прямо ощутила.

– Но ты положила конец лету, – сказал папа. – Ведь лампу зажигают, когда лето кончается.

– Зато теперь начнётся осень, – примирительно сказала мама.

Лампа горела и посвистывала. От неё всё делалось надёжным и близким – тесный круг семьи с его чувствами и чаяниями, а по другую сторону круга лежало всё чуждое и непрочное, всё, что наращивало тьму ввысь и вширь, до самого края света.

– В некоторых семьях спрашивают у отца, прежде чем зажигать лампу, – пробормотал папа в чашку.

Муми-тролль выстроил бутерброды в обычном порядке: первый с сыром, потом два с колбасой, а после них холодная картошка с сардинами и джем. Он был совершенно счастлив. Мю, чувствуя, что вечер сегодня необычный, ела только сардины. Она задумчиво таранилась в темноту, и глаза её, пока она ела и думала, становились всё темнее и темнее.

Свет лампы ложился на траву и кусты сирени и, уже слабея, подбирался к тени, где пряталась в одиночестве Морра.

Морра сидела там так долго, что лужайка под ней успела заледенеть. Когда она встала и потянулась поближе к свету, трава хрустела, как стекло. Шёпот ужаса пробежал по листе, несколько кленовых листьев свернулись и, трепеща, слетели Морре на плечи. Астры отклонялись от неё, как только могли. Сверчки умолкли.

– Почему ты не ешь? – спросила мама.

– Сам не знаю, – ответил Муми-тролль. – А у нас есть плотные шторы?

– Они на чердаке, – ответила мама. – Мы достаём их, когда начинаем готовиться к зимнему сну.

Она повернулась к папе:

– Дорогой, ты не хочешь, пока горит лампа, заняться своим маяком?

– Пф, – ответил папа. – Детские забавы. Он меня больше не интересует.

Морра придвинулась ещё ближе. Она таращилась на лампу и покачивала большой тяжёлой головой. Холодная белая дымка вилась вокруг её ног. Морра медленно заскользила к лампе, огромная серая тень одиночества. Стёкла тихонько зазвенели, как от далёкого грома, сад затаил дыхание. Морра была уже возле крыльца, она остановилась в темноте, там, куда не попадал очерченный на земле квадрат света.

И тут она быстро шагнула к окну, так что свет ударил ей в лицо. С веранды немедленно послышались вскрики, там всплёскивали руками, роняли стулья, лампу унесли прочь, и в мгновение ока стало темно. Все спрятались в дом, куда-то в самую его сердцевину. Вместе с лампой.

Морра постояла немного, надышала инея на опустевшее окно и слилась с темнотой, заскользила прочь. Трава со звоном ломалась от её шагов, звук становился всё дальше, всё тише. Сад вздрогнул, роняя листья, и снова задышал: Морры больше не было, Морра снова была далеко.

– Это совершенно лишнее – баррикадироваться и не спать всю ночь, – сказала мама. – Морра, конечно, опять что-нибудь испортила в саду. Но она не опасна. Ты же знаешь, что она не опасна, несмотря на то что она такая отвратительная.

– Ещё как опасна! – закричал папа. – Ты сама испугалась! Перепугалась до ужаса, а бояться нечего, ведь я здесь, с тобой...

– Дорогой, – сказала мама. – Морру боятся, потому что она ледяная насквозь и никого не любит. Но большой беды от неё не будет. Я так думаю, что теперь можно пойти спать.

– Прекрасно! – сказал папа и поставил кочергу обратно в угол. – Прекрасно! Раз никакой опасности нет, значит можно вас не защищать. Замечательно! – Он выбежал на крыльцо, прихватив по пути сыру и колбасы, и растворился во тьме.

– Ого, – восхитилась малышка Мю. – Злится и выпускает злость! Теперь он будет до утра караулить мох.

Мама ничего не сказала. Она сновала туда-сюда, как обычно перед сном, она копалась в своей сумочке, она прикрутила лампу, и тишина сразу стала иной. Наконец она принялась рассеянно стирать пыль с папиного маяка, стоявшего на комод в углу.

– Мама! – позвал Муми-тролль.

Но мама не слышала. Она подошла к большой настенной карте с Муми-долиной, побережьем и прибрежными островами, забралась на стул, чтобы дотянуться до открытого моря, и поднесла морду к одинокой точке посреди белой пустоты.

– Вот он, – пробормотала мама. – Наш будущий дом. Там будет трудно и весело...

– Ты о чём? – не понял Муми-тролль.

– Здесь будет наш дом, – повторила мама. – Это папин остров. Папа позаботится о нас. Мы переберёмся туда, и будем там жить до конца наших дней, и начнём всё сначала.

– А я всегда думала, что это муха насидела, – заметила малышка Мю.

Мама слезла со стула.

– Иногда нужно время, – проговорила она. – Нужно невероятно много времени, чтобы что-то понять.

И ушла в сад.

– Я лучше помолчу по поводу мам и пап, – сказала малышка Мю, потягиваясь. – Ты же всё равно скажешь, что мама с папой глупыми не бывают. Они начали какую-то игру, но накорми меня птичьим помётом, если я понимаю, во что они играют!

– А ты и не должна, – с жаром проговорил Муми-тролль. – Им лучше знать, почему они так странно себя ведут. А то некоторые считают, что если их удочерили, значит они самые умные.

– Именно так! – отпарировала малышка Мю. – Самые-пресамые!

Муми-тролль не сводил глаз с одинокой точки посреди моря. «Папа хочет там жить, – думал он. – Его тянет туда. Значит, это они всерьёз. Эта игра – по-настоящему». И вдруг Муми-тролль увидел белый прибой вокруг острова, пустынное море вспенилось, остров зазеленел, покрылся красными скалами, стал настоящим одиноким таинственным островом из детских книжек, островом кораблекрушений, островом в Южном море. Горло у Муми-тролля перехватило, и он прошептал:

– Мю! Это же потрясающе!

– Да всё на свете потрясающе, – проговорила малышка Мю. – Что-то более, что-то менее. Сильнее всего мы потрясёмся, если соберём свои манатки, приплывём туда и обнаружим, что весь этот остров – просто-напросто мушиная какашка.

Не позже половины шестого утра Муми-тролль отправился по следу Морры через сад. Земля уже оттаяла, но там, где сидела Морра, на лужайке осталось коричневое пятно. Муми-тролль знал, что если Морра посидит где-нибудь дольше часа, там уже никогда ничего не вырастет. Земля умирает от ужаса. В саду было уже много таких проплешин, самая досадная – посреди клумбы с тюльпанами.

Цепочка сухих листьев вела к крыльцу. Вот, значит, где она сидела – прямо рядом с полосой света. Сидела, смотрела на лампу. Потом не выдержала и подошла слишком близко, и тогда всё погасло. Всё как обычно. Всё, к чему она прикасается, гаснет.

Муми-тролль представил, что он – Морра. Вот он, сгорбленный, плетётся в окружении мёртвых листьев и тихо ждёт, выдыхая иней, и тоскливо смотрит в окно. Самое одинокое существо в мире.

Но без лампы полностью вжиться в образ не удавалось. Вместо этого в голове закружились весёлые мысли – про остров и большие перемены. Муми-тролль забыл про Морру и начал

играть с длинными утренними тенями в канатоходца: можно наступать только на солнечную полосу, всё остальное – морская пучина, бездонная и опасная. Конечно, для тех, кто не умеет плавать.

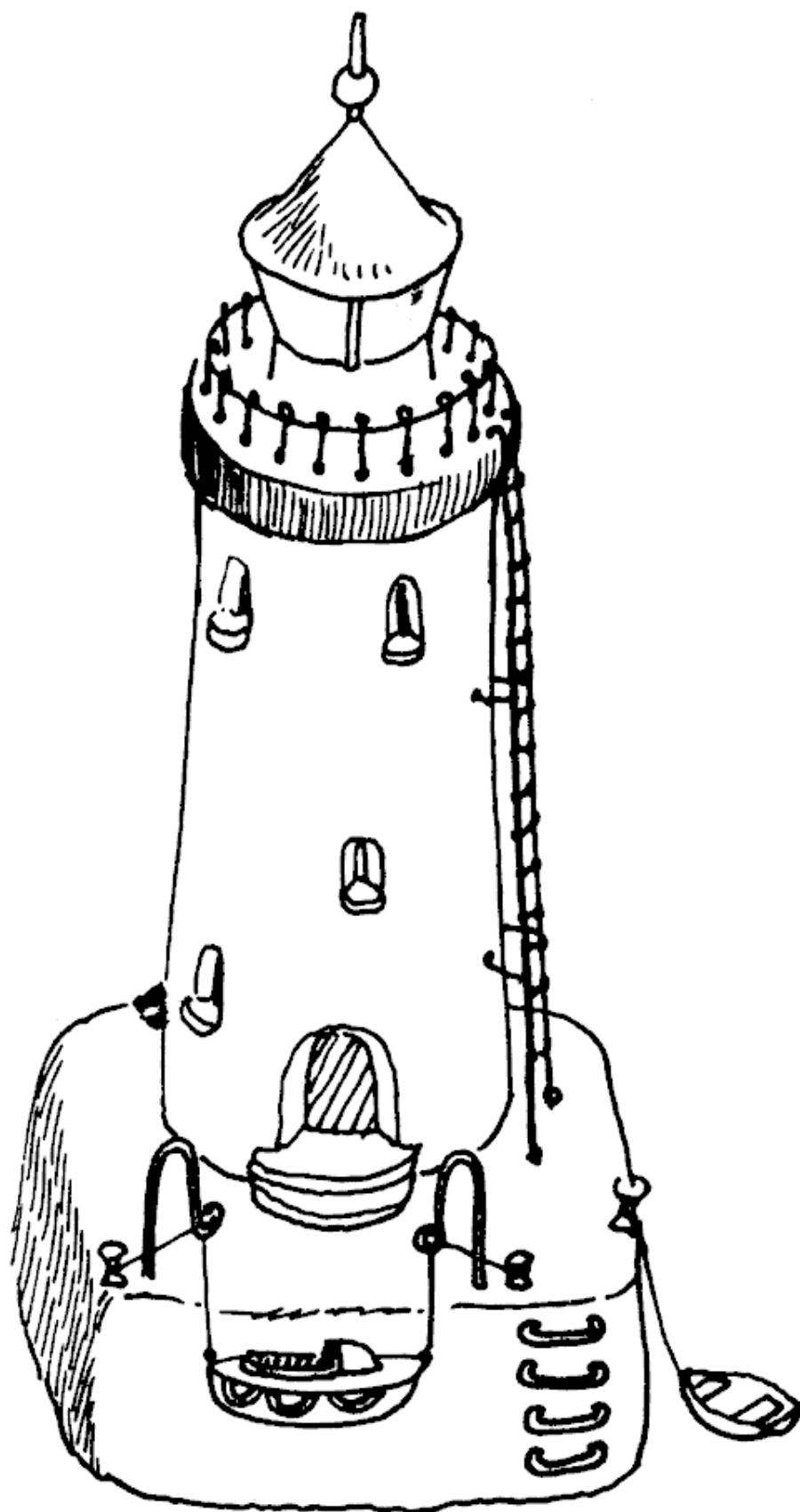
Из дровяного сарая послышался свист. Муми-тролль заглянул внутрь. Утреннее солнце блестело на жёлтых стружках у окна, в сарае пахло льняным маслом и канифолью. Папа старательно вставлял в стену маяка маленькую дубовую дверцу.

– Взгляни на эту лестницу в скале, – сказал папа. – По ней можно подняться на маяк. В плохую погоду надо быть очень осторожным. Смотри, лодка на гребне волны, она движется к скале – выпрыгиваешь на землю, хватаешься, бросаешься наверх – в это время лодку относит... Когда подкатывает следующая волна, ты уже в безопасности. Борешься с ветром – вот тут, видишь, поручни, – открываешь дверь – она тяжёлая. Вот уже и снова захлопнулась. И ты внутри маяка. Через толстые стены морской грохот слышится как будто издали. Снаружи воет ветер, лодка уже далеко.

– А мы там есть, в маяке? – спросил Муми-тролль.

– Конечно, – ответил папа. – Вы вот тут, в башне. Обрати внимание, все окошки – из настоящего стекла. А на самом верху – маяк, он красно-зелёно-белый и всю ночь подаёт сигнал, чтобы корабли знали, куда им плыть.

– А он будет гореть? – спросил Муми-тролль. – Можно приделать снизу батарейки и придумать что-нибудь, чтобы лампочки мигали.

– Можно, наверное, – ответил папа, выстругивая ступеньку перед дверцей, – но я уже не успею. Это ведь просто игрушка, такое развлечение, понимаешь?

Папа смущённо усмехнулся и уткнулся в ящик с инструментами.

– Здорово, – сказал Муми-тролль. – Ну пока.

– Пока, – сказал папа.

Тени стали короче. Начинался новый день, такой же жаркий, такой же прекрасный. Мама сидела на ступеньках без всякого дела – это было что-то новое.

– В какую рань все сегодня встали, – заметил Муми-тролль. Он уселся на солнышке рядом с мамой и закрыл глаза.

– Ты знаешь, что у папы на острове есть маяк? – спросил он.

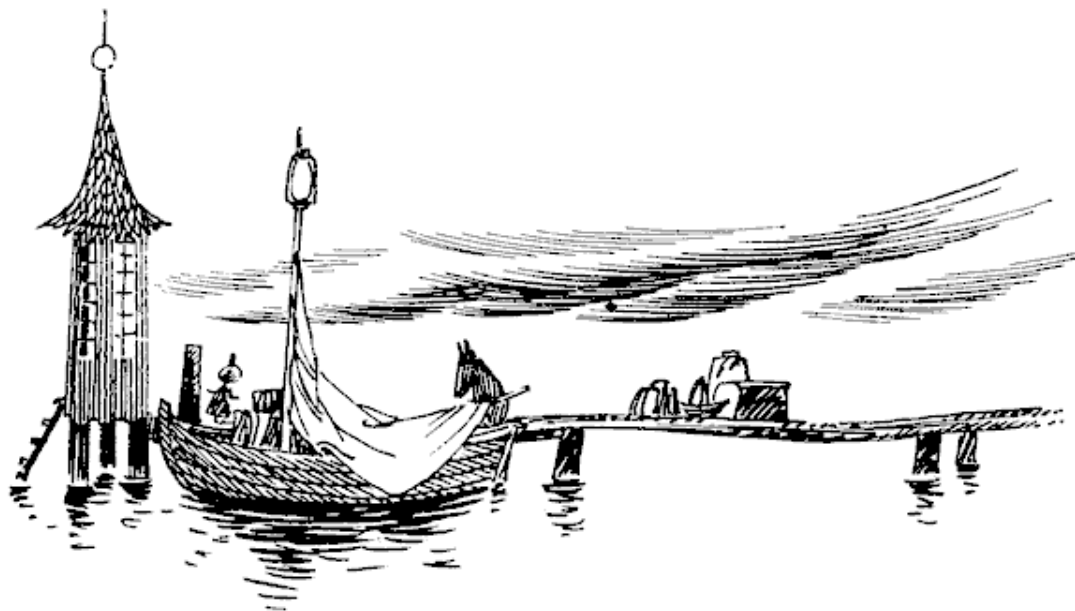
– Знаю, конечно, – ответила мама. – Он же всё лето про это говорил. Там мы и будем жить.

Нужно было так много сказать, что всё осталось несказанным. Ступенька была тёплой. Всё было как надо. Папа насвистывал теперь «Вальс морского орла» – это у него отлично получалось.

– Я сейчас сварю кофе, – сказала мама. – Сейчас, вот только посижу немножко, подышу утром.

Глава вторая

Маяк

Этим великим и знаменательным вечером ветер стал медленно поворачивать к востоку. Он задул ещё в полдень, но отплытие было назначено на закатный час. Море было тёплым и синим-пресиним, как стеклянный шар, а весь причал был завален вещами до самой купальни, где покачивалась лодка с ещё не поднятым парусом и горящим фонарём на мачте. Мумитроль перетаскивал рыбные садки и сети через линию прилива. На берегу уже темнело.

– Конечно, есть опасность, что к ночи ветер стихнет, – сказал папа. – Можно было бы отправиться сразу после завтрака. Но, понимаешь, сейчас нам просто необходимо дожждаться заката. Отплытие – это как первые страницы в книге. Они решают всё. – Папа сел рядом с мамой на песок. – Взгляни на лодку, – продолжал он. – В ночи она особенно хороша. Взгляни на наше «Приключение». Именно так надо начинать новую жизнь: фонарь на мачте, береговая линия исчезает во тьме, весь мир погружён в сон. Нет ничего лучше, чем путешествовать по ночам.

– Ты прав, дорогой, – сказала мама. – День – это для туристов, а ночь – для настоящих путешественников.

Мама очень устала от сборов – она всё время боялась забыть что-нибудь важное. На причале груда вещей выглядела внушительно, но мама знала, как мало этого окажется, когда прибудешь на место и всё распакуешь. Даже на один день, чтобы провести его в своё удовольствие, большому семейству нужно ужасно много вещей.

Но теперь, конечно, всё будет по-другому. Теперь жизнь начинается с нуля, и папа будет заботиться о них, добывать всё необходимое и защищать. Похоже, они стали жить чересчур хорошо. «Вот удивительно, – с беспокойством думала мама. – Удивительно, что от чересчур хорошей жизни можно грустить и даже разозлиться. Но что поделаешь, если так оно и есть? Значит, самое верное теперь – начать заново с другого конца».

– Тебе не кажется, что уже пора? – спросила она. – Твой фонарь так красиво смотрится на фоне закатного неба. Может, отправимся в путь?

– Погоди минутку. Мне надо настроиться, – сказал папа. Он расстелил на песке карту и со всей серьёзностью взгляделся в одинокий остров посреди моря. Он долго нюхал воздух, пытаясь оживить своё топографическое чутьё, впавшее в спячку за ненужностью. Предки муми-троллей всегда определяли стороны света, не задумываясь, это получалось само собой. Но увы, со временем инстинкты ослабевают.

Вскоре папа разобрался с направлением, и можно было плыть. Он поправил шляпу и проговорил:

– Отправляемся. Но даже не думай ничего нести! Всю тяжёлую работу мы сделаем сами. Просто садись в лодку.

Мама кивнула и с трудом поднялась. Море сделалось фиолетовым, а кромка леса – сгустком тьмы. Маме очень хотелось спать, и ей вдруг показалось, что реальность сдвинулась, сместилась. Всё было лишь сном, и свет был таинственный, как во сне, и всё замедленное, и тяжёлый песок мешал двигаться.

Пожитки утрамбовали в лодку. Фонарь покачивался, очертания причала и купальни на фоне вечернего неба напоминали длинного шипастого дракона, малышка Мю смеялась, издав лека доносились крики разбуженных ночных птиц.

– Красиво, – сказала мама сама себе. – Красиво и странно. Если вдуматься и вчувствоваться, всё это выглядит просто чудесно. Но интересно, он не обидится, если я в лодке немного поплю?

После захода солнца Морра снова прокралась через сад, но в этот вечер лампа на веранде не горела. Шторы были опущены, бочка для воды перевернута вверх дном. Ключ висел на гвоздике возле двери.

Морра привыкла к пустым домам и сразу поняла, что теперь здесь не скоро зажгут свет. Она медленно потащила обратно по склону в горы. Стекланный шар на миг отразил её и снова затянулся таинственной синевой. Морра вошла в лес, и он испуганно вдохнул, подо мхом засустились, ветви испуганно затрепетали, маленькие блестящие глазки, горевшие отовсюду, погасли. Морра привыкла и к этому. Она, не останавливаясь, взбиралась вверх по южному склону и смотрела на море, которое к ночи делалось всё темнее.

Штормовой фонарь на мачте «Приключения» был виден издали – одинокая звёздочка, огибающая дальние острова и упрямо стремящаяся в открытое море. Морра долго смотрела на него – спешить ей было некуда. Её время было бесконечно, тягуче и неопределённо и делилось на отрезки лишь редкими случайными огнями, которые зажигаются осенью.

Она двигалась по ущелью к берегу. След её на песке был широким и бесформенным, как от большого тюленя. Волны погружались обратно в море и беспомощно останавливались, вода рядом со складками Морриной чёрной юбки сделалась тише, и заблестела, и начала застывать.

Морра ждала долго, окружённая клубами холодного тумана. Время от времени она поднимала то одну, то другую ногу, лёд похрустывал и крепчал. Морра сооружала свой собственный ледяной остров, чтобы добраться до далёкого мигающего огонька. Блестящая точка уже исчезла за островами, но Морра знала, что точка всё равно светится. И даже если свет погаснет раньше, чем она его догонит, – ничего страшного. Рано или поздно он зажжётся снова. Так происходит всегда.

Муми-папа правил лодкой. Он крепко держался за руль, исполненный с ним тайного взаимного понимания, и пребывал в мире и согласии с самим собой.

Семья его была маленькой и беспомощной, точь-в-точь как в стеклянном шаре, и он со всей осторожностью вёз её через огромное море, сквозь безмолвную синюю ночь. Фонарь на мачте отмечал их путь, будто папа решительно провёл через карту светящуюся черту, сказав:

«Отсюда – туда. Там будет наш дом. Там стоит мой маяк, вокруг которого вертится земля. Он стоит прямой и гордый, в самом центре всех морских опасностей».

– Не холодно вам? – весело спросил папа. – Ты укрылась пледом? Видите, вот и последний остров остался позади. Ночь скоро взойдёт в самую тёмную свою точку. Ночью довольно опасно ходить под парусом, надо всё время быть начеку.

– Да, дорогой, – сказала мама. Она лежала, свернувшись клубочком, на дне лодки. – Это очень волнительно.

Плед немножко промок, и мама осторожно передвинулась к подветренной стороне. Уши её всё время задевали за шпангоуты.

Мю сидела на носу лодки и монотонно напевала.

– Мама, – прошептал Муми-тролль, – из-за чего она стала такая ужасная?

– Кто?

– Морра. Кто-то её обидел?

– Кто знает, – проговорила мама, вытаскивая хвост из кильватера. – Скорей всего, никому просто не было до неё дела. Не то чтобы она это запомнила или специально ходит и об этом думает. Она – как дождь или тьма, как камень, который надо отодвинуть, чтобы пройти. Хочешь кофе? Термос в белой корзинке.

– Пока не хочу, – сказал Муми-тролль. – У неё маленькие жёлтые глазки, застывшие, как у рыбы. Она умеет говорить?

Мама вздохнула:

– Не стоит разговаривать с Моррой. Ни с ней, ни о ней, не то она вырастает и приходит следом. И не переживай из-за неё. Ты думаешь, что она тоскует по свету, а на самом деле она просто хочет сесть на него и погасить навсегда. А теперь я надеюсь немного поспать.

На небе проступили бледные осенние звёзды. Муми-тролль лежал на спине и смотрел на фонарь, а думал о Морре. Тот, с кем и о ком никогда не разговаривают, со временем, наверное, совсем исчезает. У него просто не остаётся решимости больше быть. Может, ему помогло бы зеркало? А если поставить много зеркал, то можно увидеть сколько угодно себя, и спереди, и сзади. Может, отражения даже разговаривали бы между собой...

Руль тихонько поскрипывал в тишине. Все уснули, и папа остался наедине со своим семейством. Он чувствовал себя бодрым и живым – живее, чем когда-либо.

Под утро Морра на далёком берегу собралась в путь. Остров под ней стал чёрным и прозрачным, и острый его ледяной бушприт указывал прямо на юг. Песчаное дно скоро пропало из виду. Морра подобрала тёмные юбки, свисавшие по бокам, словно лепестки увядшей розы, – они с хлопаньем расправились, распахнулись, и Морра начала своё неспешное морское путешествие.

Юбки взлетали вверх и опускались в стороны в ледяном воздухе, как руки пловца. Вода разбегалась испуганными волнами, и Морра двигалась вперёд в рассветных лучах, оставляя за собой облачко холодного тумана. С берега она была похожа на большую покачивающуюся летучую мышь, она двигалась медленно и тяжело, но всё же не стояла на месте. Время у неё было. У неё не было ничего, кроме времени.

Семейство шло под парусом до утра и весь следующий день, потом снова наступила ночь, а папа всё сидел у руля, ожидая, когда покажется маяк. Однако ночь по-прежнему оставалась ровно-синей, без всякого следа подмигивающих огоньков маяка на горизонте.

– Курс правильный, – размышлял папа. – Я точно знаю, что мы идём в нужном направлении. При таком ветре к полуночи прибудем на место. Маяк уже должен быть виден.

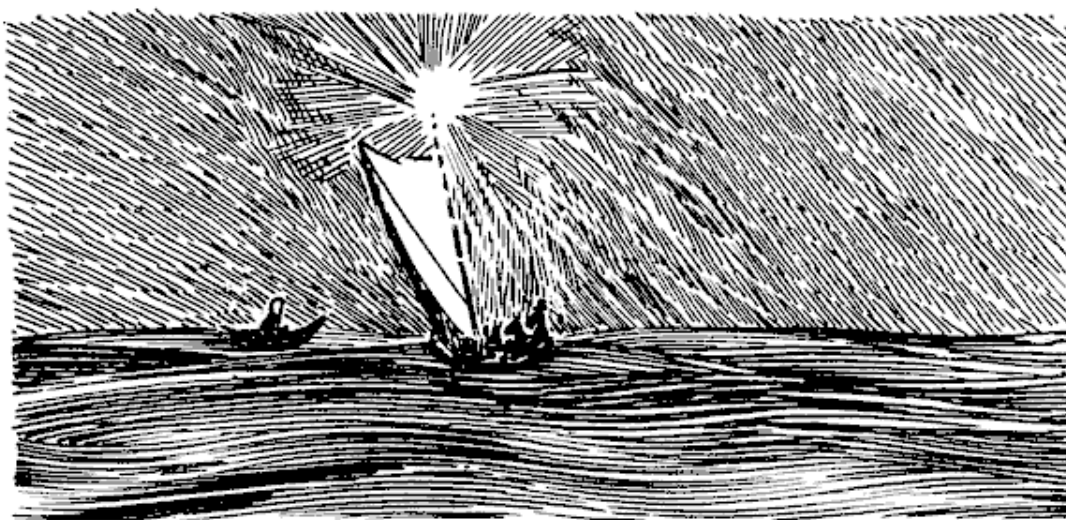
– Что, если какой-нибудь мерзавец его выключил? – предположила малышка Мю.

– Ты думаешь, маяк можно просто взять и выключить? – усмехнулся папа. – В чём в чём, а в том, что маяк горит, нет никаких сомнений. Всё-таки в мире есть надёжные вещи: морские течения, смена времён года, солнце, которое всходит по утрам... И маяки.

– Наверное, скоро покажется, – проговорила мама. В голове её теснились, никак не находя себе места, обрывки мыслей. «Пусть уже появится этот маяк, – думала она. – Папа так радуется... И пусть это действительно будет остров, а не мушиный след – ведь сейчас никак нельзя уже вернуться домой... После такого красивого отплытия... Бывают большие розовые ракушки, но белые тоже красиво смотрятся на чёрной земле. Посмотрим, как там приживётся роза...»

– Тсс! Я слышу какие-то звуки, – проговорила с носа лодки малышка Мю. – Помолчите, тут что-то происходит.

Все подняли морды и взгляделись в ночь. Тихий плеск вёсел слышался всё яснее. Незнакомая лодка медленно приближалась, вот она уже вынырнула из тьмы. Лодочка была маленькая, серая, гребец бросил грести и смотрел на них без всякого удивления. Он был очень замурзанный и очень спокойный. Свет отражался в его больших синих глазах, прозрачных, как вода. На носу лодки была удочка.

– Как клюёт ночью? – поинтересовался папа.

Рыбак пожал одним плечом и отвёл взгляд. Он не хотел говорить.

– Тут где-то должен быть остров с большим маяком, – продолжал папа. – Почему маяк не горит? Ему давно уже пора показаться.

Лодка рыбака прошла мимо. Когда он наконец ответил, слова едва можно было разобрать:

– Никто не знает... Возвращайтесь домой. Вы слишком далеко забрались...

Рыбак скрылся позади. Они ещё вслушивались, надеясь различить плеск вёсел, но в ночи не было слышно ни звука.

– Он был какой-то странный, верно? – с сомнением протянул папа.

– Он был очень странный. – У малышки Мю никаких сомнений не было. – Псих какой-то. Мама вздохнула и попыталась вытянуть лапы.

– У нас все знакомые такие, – заметила она. – Кто побольше, кто поменьше.

Ветер стих. Папа сидел у руля, выпрямив спину и подняв нос.

– Вот, – проговорил он. – Похоже, прибыли. Мы подошли к острову с подветренной стороны. Ума не приложу, почему маяк не горит.

В тёплом воздухе пахло вереском. Вокруг было тихо. И вдруг из тьмы проступила величественная тень, остров наклонился над ними и внимательно взгляделся в них. Они почувствовали его горячее дыхание, когда лодка ткнулась в песок и остановилась, почувствовали, что к ним присматриваются, и крепче прижались друг к другу, не решаясь шевельнуться.

– Мама, слышишь? – шепнул Муми-тролль.

Лёгкие лапки пронесли к берегу – послышался слабый плеск, и снова стало тихо.

– Это Мю прыгнула на берег, – сказала мама. Она стряхнула с себя тишину, принялась рыться в корзинках, попыталась переставить на берег горшок с розой.

– Спокойствие, только спокойствие! – воскликнул папа. – Я обо всём позабочусь. Надо с самого начала правильно всё устроить. Первым делом – лодка. Это самое важное... Оставайтесь на своих местах и спокойно ждите.

Мама послушно села обратно и уклонялась от спускаемого паруса и качавшейся туда-сюда реи, пока папа бегал по лодке и всё устраивал. Фонарь на мачте выхватывал из крошечной тьмы лишь круглое пятно: белый песок и чёрную воду. Папа и Муми-тролль вытащили на землю матрас с насквозь промокшим углом. Лодка накренилась, розу в горшке прижало к борту синим сундуком.

Мама сидела, уткнув нос в ладони, и ждала. Похоже, всё идёт как надо. Наверное, со временем она привыкнет к тому, что о ней заботятся, и ей даже понравится. Похоже, она задремала.

...Оказалось, что папа стоит рядом и держит в лапах фонарь.

– Ну вот, – сказал он. – Теперь можешь спать спокойно. Я буду на страже всю ночь, так что тревожиться не о чем. А следующей ночью будем уже ночевать на моём маяке. Как только рассветёт, я выясню, что с маяком, и мы переберёмся туда. Понять бы, почему он не горит... Не холодно в палатке?

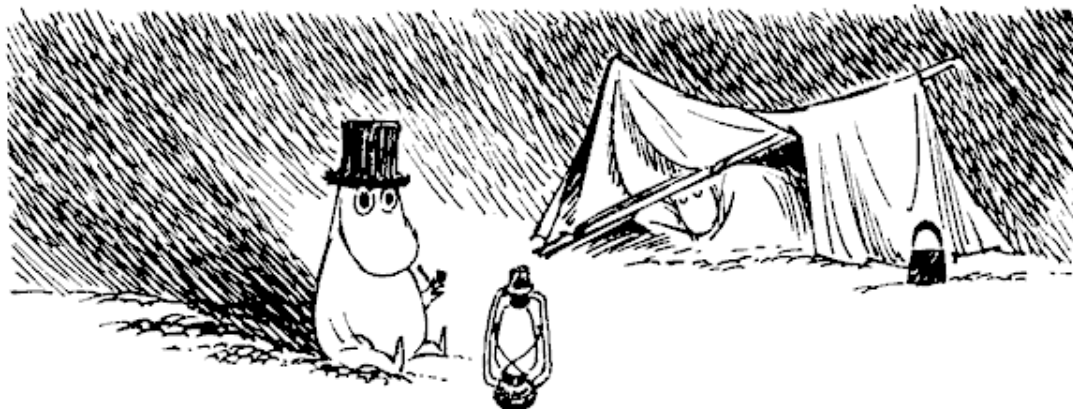
– Тут прекрасно, – ответила мама, заползая под поставленный палаткой парус.

Малышка Мю, как обычно, уже бегала где-то сама по себе, но это тоже было в порядке вещей – уж кто-кто, а Мю не пропадёт. Значит, всё хорошо?

Муми-тролль видел, как мама поворачивалась на влажном матрасе, укладываясь поудобнее, вздохнула и заснула. Это было самым необычным за сегодняшнюю ночь: мама заснула на новом месте, не распаковав сумки, не постелив остальным и не раздав всем карамельки. Даже сумка её валялась на песке. Это беспокоило и будило любопытство: значит, всё это не просто приключение, а настоящие перемены.

Муми-тролль приподнял морду и выглянул из-под паруса. Папа сидел снаружи с фонарём в лапе. Длинная тень его была внушительной, да и весь папа выглядел внушительнее обычного.

Муми-тролль свернулся поплотнее и подтянул лапы к тёплому животу. И погрузился в сон, и сны покачивались и были синими, как ночное море.

Понемногу наступало утро. Папа остался наедине со своим островом и с каждым часом ощущал его всё более своим. Небо светлело, скалы высились перед папой, испещрённые уступами, по которым можно вскарабкаться наверх, и на самом верху он увидел наконец маяк, чёрный на сером. Он оказался больше, чем папа представлял, и это был тот самый ночной час, когда тому, кто бодрствует в одиночестве, всё начинает видиться безнадёжным и опасным.

Папа погасил фонарь, и берег погрузился во тьму. Он ещё не был готов встретиться с маяком лицом к лицу. С моря дул утренний ветер, было холодно. Где-то за островом кричали морские птицы.

Папа смотрел на маяк с берега, и тот казался всё выше и выше. Он походил на модель маяка – ту, папину, так и не законченную. Теперь папа видел, что крыша не такая островерхая, как он представлял, и на верхней площадке нет перил.

Папа долго вглядывался в тёмный заброшенный маяк, и постепенно тот начал уменьшаться и уместаться в прежние мысли и представления о нём.

«Всё равно он мой, – подумал папа и зажёл трубку. – У меня есть собственный маяк. Я приведу в него свою семью и скажу: „Здесь мы будем жить“. Как только мы попадём внутрь, ничего плохого с нами случиться уже не сможет».

Мю сидела на ступеньках маяка и смотрела, как наступает утро. Остров проступал внизу из сумрака, он был похож на большую серую кошку, которая потягивается и выпускает когти. Лапы вытягивались в море, а хвостом был длинный узкий мыс далеко позади. Кошка топорщила шерсть, но глаза её были закрыты.

– Ха! – сказала малышка Мю. – Это не простой остров. Он уходит в море не как они обычно уходят. Тут ещё такое начнётся, попомните мои слова!

Она свернулась поудобнее и стала ждать. Из моря выкатывался солнечный диск. Остров обрёл тени и цвета, втянул когти, очертания сделались чёткими. Всё засияло, и белые морские птицы закружили над мысом. Кошка пропала. Но тень маяка пролегла через остров до самого берега широкой тёмной лентой.

Они появились снизу, как крошечные муравьи, – папа с Муми-троллем тащили всё, что смогли утащить, они пробрались сквозь ольховые заросли в тень маяка и оттуда показались ещё меньше. Три белые точки остановились, подняли морды и вгляделись ввысь.

– Какой же он большой! – с дрожью проговорила мама.

– Большой? – переспросил папа. – Да он просто гигантский! Это, наверное, самый огромный маяк на всём свете. И подумать только, это последний остров архипелага, за нами уже никого, только открытое море. Мы остались с морем один на один, все остальные населённые острова – далеко позади. Разве это не прекрасно?

– Да, папа! – воскликнул Муми-тролль.

– Можно я немножко понесу корзину? – спросила мама.

– Нет-нет-нет, – запротестовал папа. – Ты ничего не понесёшь. Ты просто войдёшь в свой новый дом – подожди, тебе полагаются цветы, так положено, подожди немного... – Он нырнул в осиновую рощицу и принялся собирать их.

Мама огляделась. Какая скучная земля! И сколько камней, повсюду огромные валуны. Ох, нелегко будет разбить здесь сад.

– Что это за ужасный звук? – шёпотом спросил Муми-тролль.

Мама прислушалась.

– И правда, пугающий звук, – согласилась она. – Но это просто осиновые листья, они всегда так шелестят.

Меж камней росли тонкие осинки, их трепал морской ветер, и листья их непрерывно хлопали. По осинкам то и дело пробегала дрожь.

Днём остров стал другим, равнодушно отвернулся от них. Он больше не вглядывался в них так, как тёплой ночью, он устремил свой взгляд далеко в море.

– Вот, держи, – сказал маме папа. – Они, правда, крошечные, но распустятся, когда поставишь их на солнце... Пойдёмте. Понемногу здесь протопчется приличная тропа к берегу. А на берегу построим причал. Сколько дел! Подумать только, теперь можно всю жизнь обустривать остров, доводить его до ума, пока он не достигнет совершенства, вот чудо-то... – Он подхватил корзины и заспешил сквозь вереск к маяку.

Перед ними высились обрывистые древние скалы, они карабкались вверх уступ за уступом, серые, испещрённые расщелинами.

«Какое здесь всё большое, – подумала мама. – Или просто я такая маленькая...»

Лишь тропинка была такой же маленькой и неуверенной, как она сама. Они вместе пробирались меж скалами и вместе пришли наконец к вершине, где ждал, стоя на тяжёлом бетонном постаменте, маяк.

– Добро пожаловать домой, – сказал папа.

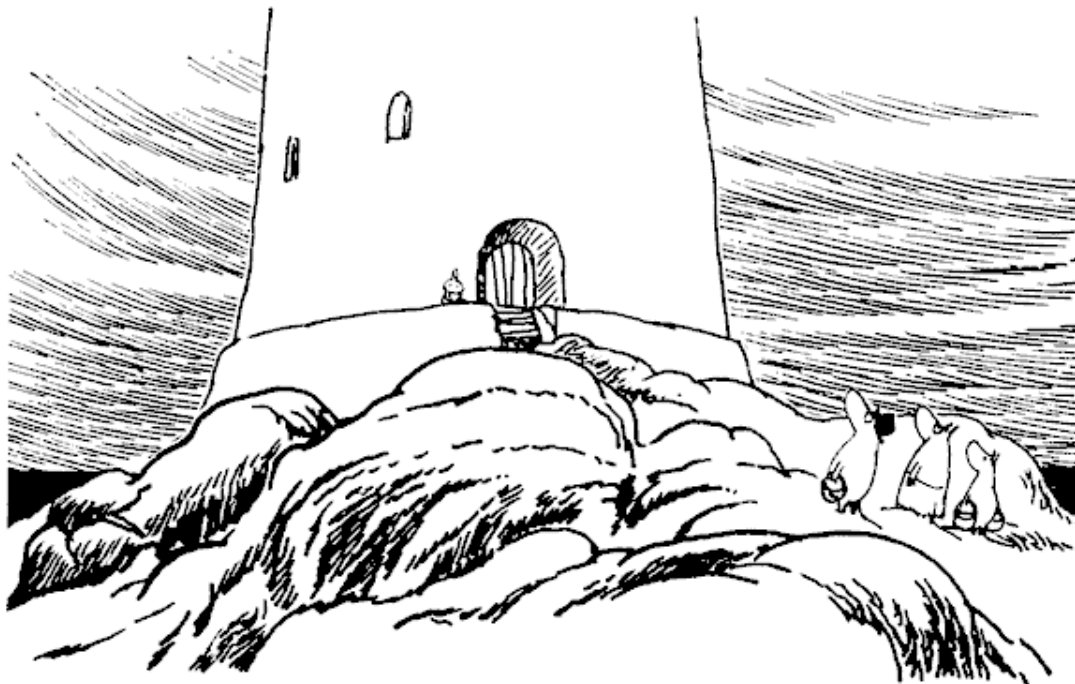
Взгляд скользил всё выше и выше; маяк – белый, гигантский, уходящий в бесконечность – просто не умещался в сознании. Над его вершиной вилось и кружило целое облако испуганных ласточек.

– Что-то мне нехорошо, – слабым голосом проговорила мама.

Муми-тролль взглянул на папу. Тот торжественно поднялся по ступеням маяка и протянул лапу к двери.

– Закрыта на замок, – сообщила за его спиной малышка Мю.

Папа повернулся и в недоумении взглянул на неё.

– Закрыта на замок, – повторила Мю. – И ключа нет.

Папа дёргал дверь. Он угрожал и уговаривал. Он стучал, пинал и в конце концов отступил на шаг и оглянулся.

– Вот гвоздик, – сказал он. – Он совершенно точно предназначен для ключа. Вы тоже его видите! Как же можно закрыть дверь и не повесить ключ на гвоздь? Особенно когда ты смотритель маяка!

– Может, под лестницей? – предположил Муми-тролль.

Под лестницей тоже не было.

– Помолчите, – сказал папа. – Помолчите все. Я должен подумать.

Он взобрался на скалу и уселся лицом к морю.

Остров обдувало спокойным юго-западным ветром. Потеплело, день был прекрасный, идеальный день для того, чтобы вступить во владение маяком. От досады папе вдруг захотелось есть, и он никак не мог собраться с мыслями. Ключ должен был быть на гвоздике или под лестницей. Рядом ни одного выступа – ни дверных косяков, ни оконных карнизов, всё гладко.

Папа устал думать, к тому же он всё время помнил, что семейство молча стоит за спиной и ждёт. В конце концов он прокричал через плечо:

– Мне надо вздремнуть!

Когда ищешь ответ на какой-нибудь вопрос, всегда полезно поспать. Во время отдыха голова лучше работает. Папа свернулся в клубочек на скале и надвинул на глаза шляпу. И с облегчением погрузился в темноту и сон.

Муми-тролль заглянул под лестницу.

– Здесь только мёртвая птица, – сказал он.

Муми-тролль положил хрупкий белый скелетик на ступеньки, ветер подхватил его и сдул вниз.

– Я много видела таких там, в вереске, – оживилась малышка Мю. – Напоминает «Месть Забытых Костей». Потрясающая история.

Они помолчали.

– И что теперь? – спросил Муми-тролль.

– Я думаю о том рыбаке, которого мы встретили ночью, – сказала мама. – Он, наверное, живёт где-нибудь здесь, на острове. Вдруг он что-то знает.

Она открыла чемодан с постельным бельём и вытянула оттуда красный плед.

– Набрось на папу, – попросила она. – Нехорошо спать на голом камне. И можешь погулять по острову и поискать рыбака. А на обратном пути, будь добр, принеси морской воды, в лодке есть медный чайник. И картошки.

Было приятно отправиться куда-то, пусть даже по делу. Муми-тролль оставил за спиной огромный запёртый маяк и отправился бродить по острову. Под горой было по-летнему тихо, на склонах красными неподвижными волнами цвёл вереск. Земля была горячей и твёрдой, воздух ароматным, но по-другому, чем дома, в саду.

Только теперь, оставшись один, Муми-тролль смог как следует осмотреть и обнюхать остров, прикоснуться к нему лапами, поводить ушами и прислушаться. На окружённом ровным морским гулом острове было тише, чем в родной долине, – это был очень старый остров, на нём царила идеальная тишина.

«Сюда непросто попасть, – подумал Муми-тролль. – Этот остров оберегает свою тишину».

Заросли вереска спускались к зелёным зарослям мха в самом сердце острова, снова тянулись вверх и терялись в невысоком елово-берёзовом леске. Странно жить там, где нет ни единого большого дерева. Вся растительность была низкой, вилась по поверхности земли, ощупью взбиралась по скалам – и Муми-троллю самому захотелось опуститься на четвереньки, стать маленьким, прижаться к земле. Он побежал к мысу.

На самом краю западного мыса стоял домик, сложенный из камня на цементном растворе. Он крепился к скале железными крючьями, был круглый, как тюлень, и смотрел в море сквозь окошко с крепким стеклом. Домик был такой маленький, что втиснуться в него можно было с трудом, да и то только если ты был подходящего размера. Рыбак построил его для себя. Он лежал на спине, закинув руки за голову, и смотрел на медленно плывущее облако.

– Доброе утро, – поздоровался Муми-тролль. – Вы здесь живёте?

– Только во время бури, – отстранённо ответил рыбак.

Муми-тролль серьёзно покивал. Действительно, именно в таком месте надо селиться, если любишь волны. Можно сидеть в самом центре пенных брызг и смотреть, как подступает огромная водяная гора, и слышать, как шумит над крышей море. Муми-тролль даже попросился бы приходить сюда иногда посмотреть на волны – но домик был явно предназначен для одного жильца.

– Мама передавала вам привет и спрашивала про ключ, – сказал Муми-тролль.

Рыбак молчал.

– Папа не может попасть внутрь, – с тревогой пояснил Муми-тролль. – Мы подумали, что, может, смотритель маяка...

Молчание. На небо набежали новые облака.

– Ведь был здесь смотритель маяка? – уточнил Муми-тролль.

Рыбак наконец повернул голову и посмотрел на Муми-тролля синими, как вода, глазами:

– Я ничего не знаю про ключ, – проговорил он.

– Он что, погасил фонарь и уехал? – спросил Муми-тролль. Он не привык к тому, чтобы на вопросы не отвечали, это беспокоило и расстраивало.

– Не помню, – ответил рыбак. – Я совсем его позабыл...

Он поднялся на ноги и начал взбираться по скале – серый, помятый, лёгкий, как осенний листок. Он был очень маленький и совершенно не хотел говорить.

Муми-тролль смотрел ему вслед. Потом повернулся и побрёл по мысу обратно. Свернул к лодке за чайником. Надо приготовить завтрак. Мама разведёт между камнями костёр и накроет стол на ступеньках маяка. И всё как-то наладится.

Песок на берегу был белый, мелкий, берег узким полумесяцем обнимал бухточку, лежавшую между мысами. В бухту прибывало всё, что морские ветры сметали с острова. В зарослях ольхи, там, куда доходила во время прилива вода, валялись брёвна, но ниже песок был чистым и гладким, как половицы. По нему приятно было ходить. Если идти по кромке прибоя, на песке оставались ямки, которые тут же наполнялись водой. Муми-тролль искал для мамы ракушек, но нашёл только сломанные; видимо, их разбивало волнами.

Потом он увидел что-то блестящее – но это оказалась не ракушка, а крошечная серебряная подкова. Следы от неё уходили по песку прямо в открытое море.

«Лошадка ускакала в море и потеряла подкову, – понял Муми-тролль. – Совсем малюсенькая лошадка. Интересно, она специально посеребрила себе подковы или они с самого начала были серебряные?» Он подобрал подкову, чтобы отнести маме.

Чуть подальше следы тянулись из моря на сушу. Значит, это была морская лошадка – Муми-тролль никогда таких не видел. Они водились далеко, в открытом море, на сумасшедшей глубине. «Надеюсь, у неё дома есть запасная подкова», – подумал Муми-тролль.

Лодка лежала на боку со спущенными парусами, точно никогда больше не собиралась сходить на воду. Её отнесли так далеко от воды, что она потеряла всякую связь с морем. Муми-тролль постоял молча, глядя на «Приключение», жалея его, – но, может быть, лодка просто спала. И когда-нибудь вечером они, наверное, пойдут на ней забрасывать сети.

Над островом начали собираться облака, спокойные, серо-синие, они выстраивались в ряд до самого горизонта. Берег показался вдруг пустынным, и Муми-тролль подумал: «Пойду домой». «Домой» теперь означало на ступеньки маяка, родная долина ведь осталась слишком далеко. К тому же он нашёл серебряную подкову – это как-то оправдывало весь поход.

– Но как он мог всё забыть? – недоумевал папа. – Он ведь был знаком со смотрителем маяка. Они жили на одном острове. Может, даже дружили!

– Он ничего не помнит, – повторил Муми-тролль.

Малышка Мю втянула носом воздух и выпустила обратно сквозь сжатые зубы.

– Ваш рыбак с приветом, у него водоросли вместо мозгов, – заявила она. – Я это сразу заметила. А если два таких сумасшедших живут на одном острове, они или знают друг о друге всё, или не хотят знать ничего. Тут, похоже, и то и другое вместе. Они не хотят знать, потому что уже знают. Уж поверьте, у меня-то мозги на месте!

– Только бы дождь не пошёл, – озабоченно пробормотала мама.

Остальные собрались вокруг Муми-тролля и смотрели на него. Солнце село, стало довольно прохладно. Всем было немного не по себе, и Муми-тролль решил пока не рассказывать про домик, который построил рыбак, чтобы смотреть на волны. И уж совсем невозмож-

ным казалось отдать маме подкову сейчас, когда все не сводят с него глаз. Он решил сделать это попозже, когда они останутся вдвоём.

– Только бы дождь не пошёл, – повторила мама. Она отнесла чайник к костру и поставила папины маргаритки в воду. – А если он всё-таки пойдёт, надо вычистить как следует какую-нибудь ямку в камне, и пусть туда собирается вода. Если тут есть подходящие ямки...

– С этим я разберусь! – жалобно вскричал папа. – Дайте мне немного времени, всё должно идти по порядку. Сначала – главное. А еда, дождь – это всё мелочи и может подождать. Я не могу всем этим заниматься, пока не найду ключ!

– Ха! – сказала малышка Мю. – Этот рыбак попросту утопил смотрителя маяка вместе с ключом, уж поверьте! Здесь творятся кошмарные дела, и самое ужасное ещё впереди!

Папа вздохнул. Он отошёл за маяк, на скалу, чтобы никто его не видел. Временами семейство начинало его утомлять, оно не успевало за ходом его мыслей. Интересно, у других пап тоже так бывает?

Итак, раз ни найти, ни наспать ключ не удалось, значит его надо искать чутьём. Надо испробовать способ, которым пользовался в своё время тесть. Тёща всю жизнь разбрасывала свои вещи где ни попадя, а что не разбрасывала, то забывала. И тогда тесть соединял какие-то проводки у себя в голове. Включал – и тут же находил искомое. И говорил добродушно: «Ах ты, старая авоська».

Папа попробовал. Он бродил туда-сюда среди скал и пытался по-новому соединить проводки у себя в мозгу. В конце концов ему стало казаться, что все детали у него в голове перепутались и скачут, как горошины в стручке. Вот и всё, чего он добился.

Лапы набрали на протоптанную тропу, которая вилась по низкой, выжженной солнцем траве среди валунов. Идя по ней и пытаясь связать мысли заново, папа вдруг подумал, что эту тропу, наверное, протоптал смотритель маяка. Ему ведь приходилось много ходить одним и тем же путём. Когда-то давно. Он ходил к утёсу точь-в-точь как папа сейчас. Тропинка кончилась, впереди было только пустынное море.

Папа подошёл к обрыву и посмотрел вниз. Скала в этом месте игриво перепрыгивала от одной кручи к другой – танцующие изгибы и красиво обрывающиеся линии до самого низа. У подножия утёса вскипали брызги, вода тяжело поднималась и опускалась, билась о скалу и отступала, как гигантское, пробирающееся ошупью существо. На воду падала тень, и она казалась очень тёмной.

У папы задрожали лапы и закружилась голова. Он быстро присел. Но не смотреть вниз не мог: там было огромное море, глубокое-преглубокое, совсем не похожее на игривые волны вокруг причала на его родном берегу. Папа отодвинулся подальше и заметил под самым обрывом небольшой выступ. Сам не зная почему, он начал двигаться к этому гладкому выступу, торчащему из скалы, круглому и чуть-чуть вогнутому, будто стул. Спустя мгновение папа оказался в тайном месте, отрезанный от всего мира – вокруг только небо и море.

Здесь, наверно, сидел смотритель маяка. Часто сидел. Папа прикрыл глаза, вокруг всё было головокружительно большим, горошины отчаянно загремели в голове. Смотритель маяка приходил сюда, когда поднимались особенно большие волны. Он глядел, как парит в штормовом небе чайка, а пенные брызги клубились под ним и перед ним, как снежное облако. Круглые капли-жемчужины долетали до него и застывали на миг в воздухе, прежде чем исчезнуть в чёрном грохоте...

Папа открыл глаза и вздрогнул. Он прижался спиной и лапами к камню, в трещинах росли маленькие белые цветочки – подумать только, цветочки! А в самой широкой трещине поблёскивало что-то рыжее, ржавое. Ключ, тяжёлый железный ключ.

И тут у папы в голове наконец что-то щёлкнуло. Конечно, это же ясно как день! Смотритель маяка приходил сюда, чтобы побыть в одиночестве, подумать и поразмышлять. Именно здесь он и оставил свой ключ, чтобы папа нашёл его и вступил во владение маяком. Торжественно и не без помощи магических сил папа был назначен владельцем и хранителем маяка.

– Ты его нашёл, как хорошо! – воскликнула мама.

– А где он был? – воскликнул Муми-тролль.

– Трудно сказать, – таинственно ответил папа. – Мир полон чудес для того, кто готов открыть им своё сердце. Что, если ключ принесла мне большая белая чайка...

– Ха! – сказала малышка Мю. – На шёлковом шнурке под звуки оркестра, да?

Папа поднялся по ступенькам и вставил ключ в замок. Медленно, со скрипом массивная дверь открылась, и за ней была только чернота. Малышка Мю молниеносно вскочила, но папа успел ухватить её за собранные в пучок волосы:

– Нет уж, на этот раз первым буду я! Я теперь хранитель маяка и должен всё осмотреть. И он растворился во тьме, а следом за ним и Мю.

Мама медленно подошла поближе и осторожно заглянула внутрь. Маяк был пустым, как прогнивший ствол, и нутро его снизу доверху заполняла большая и ветхая витая лестница. Ступеньки трудно взбирались вверх, карабкались вдоль стены сужающейся спиралью, скрипели и попискивали под лапами Муми-папы, он был уже едва различим. В толстых стенах виднелись небольшие окошки, сквозь которые просачивался дневной свет. Каждое прикрывала большая и неподвижная птичья тень. Птицы глядели на незваных гостей.

– Просто сейчас облачно, – шепнул Муми-тролль. – Когда нет солнца, всё всегда кажется мрачным.

– Да, конечно, – согласилась мама. Она шагнула через порог и остановилась. Внутри было сыро и очень холодно. Земля между лужами влажно чернела, перед порогом лежало несколько досок. Мама поёжилась.

– У меня есть для тебя сюрприз, – сказал Муми-тролль.

Мама взяла серебряную подкову и долго смотрела на неё.

– Какая красота, – проговорила она. – Замечательный подарок. Подумать только, бывают такие маленькие лошадки...

– Пойдём внутрь, мама! – радостно вскричал Муми-тролль. – Пойдём и поднимемся до самой башни!

Наверху в дверном проёме стоял папа в незнакомой шляпе с мягкими висячими полями и помятой тульёй.

– Как вам нравится? – спросил он. – Нашёл на гвозде за дверью. Это, должно быть, шляпа смотрителя маяка. Заходите же, заходите! Здесь всё в точности как я и представлял.

Круглая комната была большой, с низким потолком и четырьмя окнами. Посередине стоял некрашенный стол, дальше несколько пустых ящиков, возле печи – узкая кровать и маленький комод. Железная приставная лестница вела к люку в потолке.

– Там светильник маяка, – объяснил папа. – Вечером я его зажгу. Правда, белые стены – это красиво? Столько места, и так свободно и просторно. И если выглянуть из окна – тоже простор и воля! Верно?

Он посмотрел на маму, и она засмеялась:

– Ты прав, дорогой. Здесь просто невероятно просторно и вольно!

– Кто-то здесь буянил, – заметила малышка Мю. Пол был усыпан осколками стекла, над ними на белой стене красовалось жёлтое масляное пятно – масло натекло на пол и застыло там лужицей.

– Кто же разбил свой фонарь? – мама с удивлением подняла с пола медное донце фонаря, закатившееся под стол. – Ему ведь потом пришлось сидеть в темноте...

Она погладила стол. Поверхность его была испещрена сотнями, если не тысячами мелких насечек, всегда по шесть в ряду, а седьмая поверх и поперёк. Седьмая? Это ведь, наверное, неделя. Много-много одинаковых недель. Кроме одной. В ней было всего пять насечек. Мама пошла дальше, прикасаясь к кастрюлям и кружкам, читая на пустых ящиках: «изюм из Малаги», «шотландский виски», «хлеб финский обычный»; приподняла одеяло и увидела под ним простыни. Комод она не открывала.

Остальные с интересом наблюдали за ней. Наконец папа спросил:

– Ну?

– Ему было очень одиноко, – сказала мама.

– Может быть... Но тебе-то здесь нравится?

– По-моему, здесь уютно, – ответила мама. – В этой комнате можно жить всем вместе.

– Именно! – подхватил папа. – Я насобираю на берегу досок и сколочу нам всем кровати.

Я смастерю дорогу и причал, о, сколько же здесь дел!.. Но сначала нам надо поднять наверх вещи, похоже, пойдёт дождь. Нет-нет, ты ничего не понесёшь! Ты останешься здесь спокойно обживаться.

У дверей малышка Мю повернулась и сообщила:

– Я буду спать на улице. Без кровати. Кровати – это глупости.

– Спи, – согласилась мама. – Можешь зайти внутрь, если пойдёт дождь.

Оставшись одна, мама повесила подкову на гвоздик над дверью. Потом подошла к окну и выглянула наружу. Она переходила от окна к окну, и отовсюду виднелось только море, море и крикливые ласточки. Земли видно не было.

В последнем оконном проёме нашлись химический карандаш, несколько мотков верёвки и нож. Мама покрутила карандаш, рассеянно нарисовала на подоконнике цветочек и красиво заштриховала листья, ни о чём особо не думая.

Папа стоял возле печки, сунув голову в трубу.

– Тут гнездо! – крикнул он из трубы. – Поэтому и не разгорается.

– А в гнезде кто живёт? – спросила мама.

Папа высунул чёрную от сажи голову.

– Какая-то бестолковая лысуха, – сказал он. – Но её нет дома – наверное, улетела на юг.

– Но она же вернётся весной! – воскликнул Муми-тролль. – К её возвращению гнездо должно быть на месте. А еду мы можем готовить на улице!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.